

*Soda
Press*

Nine Gorman,
Mathieu Guibé

Sky burning
down
to
Ashes

Нин Горман,
Матье Гибе

Эм и Скай
Когда
небо
обращается
в пепел

*Перевела с французского
Екатерина Колябина*

SODA PRESS
Москва, 2026

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г46

ASHES FALLING FOR THE SKY
SKY BURNING DOWN TO ASHES
Nine Gorman, Mathieu Guibé

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

В соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации отдельные фрагменты текста, содержащие информацию, не подлежащую распространению, были изменены по согласованию с правообладателем.

Гибе, Матье, Горман, Нин
Г46 Эш и Скай. Когда небо обращается в пепел [роман] / Нин Горман, Матье Гибе; пер. с франц. Е. Колябиной. — Москва: Soda Press; Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-223706-5

Игра, которую Эш и Скай затеяли, обернулась для обоих поражением.

Теперь каждый убежден: слишком поздно собирать осколки того, что когда-то было между ними. Скай остается в Блумингтоне — она решает идти вперед и отказывается оплакивать любовь, которой, возможно, никогда и не было. Эш в Нью-Йорке, где пытается построить новую жизнь, но призраки минувшего преследуют его с утроенной силой. Скай смотрит в будущее. Эш все еще ищет ответы в прошлом. И когда их дороги вновь пересекаются, невысказанное становится тяжелее любого признания. Некоторые тени не отпускают. Некоторые чувства не умирают.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Text copyright © Éditions Albin Michel, 2019
Cover design copyright © Motquatac, 2023
© Екатерина Колябина,
перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026,
Soda Press

ISBN 978-5-04-223706-5

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Сообщаем нашим читателям и читательницам, что в книге затрагиваются сложные темы, в том числе физическое насилие, зависимости, горе, а также суицид. Чтение может причинить боль людям, столкнувшимся с этими травмами.

*Эшу и Скай, с благодарностью за все,
чему вы нас научили*

ПРОЛОГ

— ЭШ —

ПЕРВЫЕ ИГРОКИ

*You came and made me who I am
I remember where it all began, so clearly**

Be Somebody, Thousand Foot Krutch

Я вижу небо. Оно исчезает.

Я вижу небо. И оно снова от меня ускользает.

Я вижу небо. И сразу после него — землю...

Цепочка качелей скрипит в такт моим движениям. Я говорю себе, что если раскачаюсь сильнее, то задену носками облака. Я наслаждаюсь упоительным мгновением невесомости в самой верхней точке, за долю секунды до того, как качели помчатся вниз, и тело словно парит, такое легкое... легкое. Я бы хотел улететь, нырнуть в небеса и найти там маму. Бабушка все повторяет, что она приглядывает за мной «сверху», но я вот уже пять лет пытаюсь привлечь ее внимание и начинаю сомневаться, что она когда-нибудь напомнит о себе. Быть может, однажды

* «Ты пришел и сделал меня тем, кто я есть. / Я так отчетливо помню, как все начиналось» (англ.). Здесь и далее прим. перев.

исчезнув из нашей жизни, люди уже не возвращаются. В конце концов, папа ведь так и не вернулся.

В этот час в парке никого, и хорошо, потому что я люблю тут болтаться. Я как могу оттягиваю момент, когда нужно будет идти на урок. Будь моя воля, я бы торчал тут весь день... Прошло уже две недели с тех пор, как я уговорил бабушку отпускать меня в школу одного, правда, я так и не сказал, почему больше не хочу, чтобы она меня провожала. Я был бы рад каждый день ходить с ней вместе, вот только задирам из школы это не нравилось. С самого первого дня учебы я был мишенью для их насмешек. Мой вес, то, что у меня нет родителей... Они пользовались любым предлогом, чтобы ко мне прицепиться. И то, что бабушка провожает меня до школы, стало еще одним поводом для унижения.

А без бабушки я волен плестись по дороге и приходить как можно позже. Я мог бы вообще не идти в школу... Мог бы исчезнуть, не оставив следов, как исчезают в небе облака, стирая память о маме, которой полагается среди них жить...

В животе сворачивается противный узел. Чем больше я думаю о тех мальчишках, тем слабее взмываю вверх. Качели замедляются. Я опускаю ноги на землю, поднимая облачка пыли. И когда я встаю, реальность бьет меня наотмашь. Страх перед возвращением в школу захлестывает с новой силой. Если я прогуляю, бабушка непременно обо всем узнает и упрекнет меня в том, что я обманул ее доверие. А если все-таки пойду... Я бросаю взгляд на часы. Если я поспешу, то еще успею к началу урока. Быть может, мне повезет и задиры уже уйдут в класс. Я подбираю сумку, которую бросил у столбика качелей, и бегу.

* * *

Ларри хватает меня за футболку и резко тянет вверх. Я слышу, как трещат швы, но мне удается вывернуться.

— Давай, раздевайся! Мы видели, как ты бежал сегодня утром. Уверен, ты вспотел, как поросенок. От нас не скроешься.

У Ларри тоже есть пара-тройка лишних килограммов, только не жира, а мышц, и он на добрых десять сантиметров выше меня.

— Не стесняйся, жиртрест, покажи девчонкам свои большие сиськи. Пусть завидуют!

Я пчусь, но меня окружают его приятели. Мне удается поймать взгляд мистера Коллинса, дежурного учителя, который должен следить за порядком, но он отводит глаза и отступает на другой конец школьного двора. Даже он меня бросил.

Ларри застаёт меня врасплох — начинает щекотать, тыча пальцами в ребра, и я рефлекторно отталкиваю его руки, чтобы он остановился. Ему это не нравится, и он бьет меня правой, так что я лечу на землю. Потираю щеку: зубы на месте, хотя на языке чувствуется вкус крови. К глазам подступают слезы. Мне стыдно. Стыдно за себя, за свой вес, стыдно за дряблый живот, который делает из меня пошмишище.

— Фу, да он похож на большого слизняка. Меня от него тошнит. Его мамочка, наверное, застрелилась, потому что не вынесла его уродства!

Ларри хохочет. Громко. Так громко...

— И бабка твоя скоро сыграет в ящик, так что ты останешься один...

Я встаю и бодаю его в живот, только бы он заткнулся. Удар вышибает из Ларри дух, я обхватываю его за пояс, и мы оба валимся с ног. Я заносу кулак, но Ларри слишком быстр — он ловко откатывается в сторону и в следующий миг уже нависает надо мной. Он вдавликает меня в землю, и я понимаю, что сейчас жестоко поплачусь за свою дерзость.

— Ты покойник!

Ларри снова заносит кулак, как вдруг его останавливает футляр для гитары, который обрушивается прямо ему на голову. Я слышу треск инструмента внутри футляра — сила удара оказалась нешуточной. Ларри падает на землю рядом со мной, и я вижу незнакомого мальчишку, вроде моего ровесника. Его волосы, кажется, отчаянно бьются за свободу — темные пряди воинственно развеваются на ветру. Взгляд прищуренных — от улыбки — глаз задорный и невинный, словно ему нет дела до того, что пару секунд назад он кому-то хорошенько врезал.

Ларри в бешенстве вскакивает, готовый отомстить, но незнакомый мальчишка опять грозно замахивается футляром. Его дерзость заставляет моего мучителя замешкаться, и, пораскинув мозгами, он решает отступить. Ларри удаляется в сопровождении своей свиты, а мальчишка, которого я знать не знаю, подходит и протягивает мне руку. Когда я хватаюсь за нее, чтобы подняться с земли, меня почему-то переполняет уверенность, что он больше не позволит мне упасть. В это мгновение словно произносится молчаливое обещание. Никаких тебе клятв на мизинчиках, никаких тебе «жизнью клянусь». Только искренность на обращенном ко мне лице.

— Как тебя зовут? — спрашивает мальчишка.

— Эш... А тебя?

— Зак.

Он все еще держит мою руку в своих теплых пальцах, и я чувствую, сколько в нем силы. Очень скоро я узнаю, что гитара, которой он пожертвовал ради меня, значила для него больше, чем что-либо в этом мире. Покраснев, я отпускаю его руку, чтобы отряхнуться. И, стараясь не встречаться с ним взглядом, выдавливаю из себя банальность:

— Должен буду.

Я говорю это совершенно искренне, но мои слова слишком напоминают реплику из кино, чтобы я осмелился произнести их, глядя ему в глаза.

— Тогда почему ты меня убил?

— Что?

Я удивленно вскидываю голову. Кровь течет по лбу Зака, заливая красным внезапно повзрослевшее лицо. Он подходит, хватая меня за воротник и яростно трясет:

— Почему ты убил меня, Эш?! ПОЧЕМУ?

— ЭШ —

ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

But I just can't forget

Those crazy nights

*And all the things that we did**.

Out of My Head, Theory of a Deadman

Я резко просыпаюсь, и, хотя глаза у меня широко раскрыты, окровавленное лицо Зака так и стоит перед ними, словно отпечаталось на сетчатке. Судорожно хватаю ртом воздух, а сердце колотится так, что больно в груди. Я даже не сразу вспоминаю, где нахожусь. В квартире посреди Бронкса, вдали от Блумингтона, вдали от...

Из угла комнаты за мной наблюдает гитара. Гитара, которую я ему задолжал. Несколько лет копил деньги, чтобы купить этот инструмент и подарить ему на день рождения... вот только он успел умереть раньше.

Оглушительная сирена пожарной машины вырывает меня из мрачных дум. Город, который никогда не спит, старательно оправдывает свое прозвище. С тех пор как я сюда приехал, кошмары вернулись: Зак, его гибель, моя вина... Бессонница дает мне передышку: я лучше побуду

* «Но я не в силах забыть / Эти безумные ночи / И все, что мы делали вместе» (англ.).

в компании своих мыслей, чем встречусь лицом к лицу с подсознанием и демонами, которые обитают в его глубине.

Сибилл, Элиас и я перебрались в Нью-Йорк несколько недель назад. Несмотря на то что наша последняя попытка жить вместе обернулась полным провалом, вынудив Сиби́лл выставить меня за дверь, она без колебаний заявила ко мне в самый последний момент и позвала с собой. Я пропустил ее прощальную вечеринку, полностью прекратил общение со Скай, перестал появляться в «Дели»... Все это заставило Сиби́лл насторожиться. Она догадалась, в каком я состоянии. Сиби́лл слишком хорошо меня знает, чтобы не понять, что я на самом дне. И она пустила в ход весь свой дар убеждения, потому что знала, что нельзя оставлять меня одного во мраке. В противном случае мы могли никогда больше не увидеться. А я согласился, ведь ничто больше не держало меня в Блумингтоне. Ничто и никто...

«Нельзя влюбиться в незнакомца. А ты для меня так и остался незнакомцем, Эш».

Я сажусь на диване, который выбрал своим пристанищем, и беру телефон с импровизированной прикроватной тумбочки. На часах три утра, цифры светятся на темном экране, заменившем фотографию Скай на заставке.

Я стараюсь поменьше думать о ней, но без этой проклятой фотографии легче не стало. Ее черты навсегда врезались мне в память — точно так же, как черты Зака... Зака и его лица, залитого кровью.

Палец завис над иконкой электронной почты. Я уже давно ему не писал. Почти три месяца — с самого отъезда из Блумингтона. Я убежден, что все эти годы именно разговоры с Заком помогали мне не сбиваться с пути — пусть я несколько раз и оступался. Он нужен мне... хотя бы для